

ЛЕОНИД УТЁСОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Ольга Таглина
Леонид Утёсов

«ОМІКО»

2009

Таглина О. В.

Леонид Утёсов / О. В. Таглина — «ОМІКО», 2009

Леонид Утесов – артист эстрады, певец, актер – вошел в нашу жизнь как человек, поющий сердцем. Вот уже несколько поколений людей слушают его мягкий, с легкой хрипотцой, душевный голос, моментально узнавая неповторимую утесовскую интонацию. Он родился в Одессе и по своему духу до конца дней оставался настоящим одесситом. В культуру Леонид Утесов пришел как создатель советского джаза. Фильм «Веселые ребята» с его участием стал кинематографической классикой. В этой книге рассказывается о не такой уж легкой жизни этого удивительно жизнелюбивого, общительного и доброжелательного человека, о его пути в искусство, о том, как мальчишка из бедной семьи стал Великим Артистом...

© Таглина О. В., 2009

© ОМІКО, 2009

О. Таглина

Леонид Утёсов

Леонид Утесов вошел в нашу жизнь как человек, поющий сердцем. Вот уже несколько поколений слушают его мягкий, с легкой хрипотцой, задушевный голос, моментально узнавая неповторимую утесовскую интонацию. По духу он настоящий одессит, патриот Одессы, города, о котором говорил: «Много есть на свете городов, но такого больше нет. Посмотрите на Одессу с моря. Рай! Посмотрите с берега! То же самое». Утесов – из тех одесских мальчишек, которые не ходят, а бегают, не говорят, а поют, и их темперамент, музыкальность, поэтические сердца «могут накормить весь мир искусством». Он очень любил Одессу, и сам стал ее символом и легендой – в нашу речь навсегда вошли утесовские анекдоты, розыгрыши и афоризмы.

В культуру Леонид Утесов пришел как создатель советского джаза. Фильм «Веселые ребята» с его участием стал кинематографической классикой.

Леонид Осипович был удивительно жизнелюбивым, общительным и доброжелательным человеком. Прекрасный актер, проникновенный певец, хороший организатор, единственный в своем роде – уникальный и неповторимый, Утесов не только понимал и верно отражал свое время, он стал символом этого времени, его поющей душой и эмоциональным камертоном. Утесов был не просто популярен – он стал важной частью жизни нескольких поколений.

Однажды в жизни Леонида Осиповича был вечер, раскрывший сразу все его таланты. В 1923 году афиша петроградского «Палас-театра» обещала, что «артист Утесов предстанет во всех театральных жанрах: как певец – эстрадный, опереточный, камерный; как танцор – балетный и эксцентрический; как дирижер – оркестровый и хоровой; как скрипач и как гитарист; как рассказчик и куплетист; как клоун, жонглер и акробат, „на трапедии и в трагедии”». И публика не была разочарована – все эти обещания Леонид Осипович выполнил! Он был необычайно талантлив и имел непревзойденное чувство жанра.

Композитор Никита Богословский так писал об Утесове: «Как правило, педагоги, умудренные жизненным опытом, влюблены в одну дидактическую истину: для того чтобы достигнуть вершины в области искусства, надо беспрестанно работать и совершенствовать свое мастерство. Я убежден, что эта истина непреложна. Но откуда же тогда взялся Утесов, которому, судя по тому, что он умеет делать в совершенстве, понадобилось бы лет двести для упорной работы над собой?»

Итак – откуда взялся Утесов?

Все просто: он был чудом, которое свершилось. У него всегда была своя «драматургия» – именно поэтому спетые им песни помнят как «песни Утесова». Леонид Осипович рассказывал, что когда он пел «Ты одессит, Мишка, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда. Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда», то чувствовал, что говорит собственные слова, подбадривая самого себя. А это было необходимо, ибо время, выпавшее на его долю, оказалось далеко не простым.

Утесов не раз говорил, что родиться он мог только в Одессе: «Вы думаете, я хвастаюсь? Но это действительно так. Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удастся. Для этого надо, чтобы родители хотя бы за день до вашего рождения попали в этот город. Мои – всю жизнь там прожили. Я не знаю, кто виноват. Солнце? Море? Небо? Но – под этим солнцем, под этим небом, у этого моря рождаются особые люди. Может быть, виноват Пушкин? Может быть, это он оставил в Одессе «микробы» поэтического и прозаического творчества? Но обратите внимание: Юрий Олеша, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Семен Кирсанов, Исаак Бабель, Лев Славин – это мальчишки, создавшие, как принято было тогда говорить, «“одесский период” нашей литературы».

Леонид Осипович родился в маленьком, окутанном густой зеленью переулке с необычным названием – Треугольный (он был назван так, видимо, потому, что был продолжением Треугольной площади на стыке Тираспольской и Успенской улиц). Произошло это в марте 1895 года. Впрочем, дата рождения спорна – 22 марта в энциклопедии почему-то стало 21-м. «Ну что же, пусть будет так. Ведь она энциклопедия, а значит – ей виднее!» – весело соглашался Утесов.

Тогда, в конце XIX века, он еще не был Леонидом Утесовым. Мальчика, родившегося в многодетной еврейской семье мелкого коммерсанта Иосифа Калмановича (Осипа Клементьевича) Вайсбейна и Малки (Марии) Моисеевны, в девичестве Граник, назвали Лазарем.

Собственно, в семье появилось сразу двое детей-близнецов – мальчик и девочка. Сестра, названная Полиной, родилась несколькими минутами раньше брата. «Вот видите, каким воспитанным был я тогда – как и полагалось, уступил женщине дорогу и пропустил ее вперед...» – шутил впоследствии Леонид Осипович.

Несмотря на непростое материальное положение семьи, Осип Клементьевич Вайсбейн мечтал дать своим детям образование и, как тогда говорили, «вывести их в люди». «Отец был слишком мягким по характеру человеком, чтобы заставить меня серьезно учиться, – вспоминал Леонид Осипович. – Да и сам он любил музыку и не только охотно слушал меня, ребенка и подростка, но нередко просил меня петь для него, когда, набегавшись за день, он отдыхал вечером дома. Безусловно, в характере отца были черты, свойственные артистическим натурам. Отец любил шутку и острое слово, умел хорошо рассказывать анекдоты и охотно делал это...»

Мать, Мария Моисеевна, уверенной рукой вела домашнее хозяйство, проявляя невероятное одесское умение делать из ничего что-то. Она была сдержанной и строгой, считая своим долгом приучить детей к порядку, дисциплине и умению ценить то, что имеешь.

Леонид Осипович нежно вспоминал о маме: «Мама была человеком очень твердым – такими обычно и бывают жены мягких и сентиментальных мужей: должны же на ком-то держаться семейные устои и традиции. Она принимала на себя всю тяжесть повседневных забот семьи среднего достатка. Никогда не жаловалась и умела скрывать от детей все трудности, которые подстерегали семью не так уж редко. Но зато была к нам требовательна и сурова, была сдержанна на ласку. И когда я устаивался быть поглаженным по голове, то бежал к сестрам и братьям, чтобы сообщить об этом потрясающем событии. Если мама погладила по голове – значит, ты сделал что-то уж очень хорошее».

У своих родителей Мария Моисеевна была двадцать первым, последним ребенком, сама растила девятих, пережив потерю четырех из них. Семья была ее жизненным долгом, который она выполняла с достоинством. Мария Моисеевна была мудрой женщиной и многое понимала в жизни.

«Отец просто обожал мать, – вспоминал Утесов. – Может быть, он был наивен, мой отец, но он не верил, что есть мужья, которые изменяют женам. Он считал, что это писатели выдумывают. И удивлялся: „Ну зачем же идти к чужой женщине, если есть жена?“»

В доме Вайсбейнов был всегда идеальный порядок, взрослые и дети завтракали, обедали и ужинали в точно определенное время, у каждого члена семьи за столом было свое определенное место. Обсуждать качество еды детям не разрешалось. В обед на сладкое, независимо от материального положения семьи в данный момент, никогда не давалось целое яблоко или пирожное – всегда пол-яблока, полпирожного. Это приучало детей ценить то, что они получали, и сладкое казалось им еще желанней и слаще.

В своих воспоминаниях Утесов признавался, что в детстве он никогда не мечтал о театре и даже не посещал его: «Мне и не надо было ходить в театр. Он был вокруг меня. Всюду. Бесплатный – веселый и своеобразный. Театр оперный, драматический и всякие другие – не в счет. Там за деньги. Нет, другой – подлинная жизнь, театр, где непрерывно идет одна пьеса – человеческая комедия. И она звучит подчас трагически».

И вообще, до десяти лет юный Леня мечтал быть пожарным, а после десяти – моряком. «Но к четырнадцати годам музыка победила все, – признается Леонид Осипович, – а в пятнадцать я уже работал в балагане».

Настоящей школой для юного Утесова была сама Одесса. Как и другие мальчишки, он дрался «на кулачках» на окраине Молдаванки на Чумной горе. Там шли «стенка на стенку», «район на район». Это было захватывающее зрелище, и зрителей в нем не было: все участники, массовое действо, всеобщий мордобой. Начинали спектакль малыши. Потом, в зависимости от того, на чью сторону склонялась победа, более старшие (якобы вступающиеся за побеждаемых) налетали на малышей-победителей. Затем в наступление шли старшие бойцы – уже с другой стороны, и так до тех пор, пока в бой не вступали «бородачи». Их схватка продолжалась, пока не вмешивалась вызванная пожарная команда, которая водой из брандспойтов гасила горячий одесский темперамент дерущихся.

Одесса учила всему. Например музыке. Утесов считал, что нет ничего удивительного, что он полюбил музыку с детства. Кажется, что в Одессе все дети учатся играть на скрипке, а каждый отец видит сына знаменитостью. При этом их совсем не интересует, есть ли у их мальчиков музыкальные способности. «Зачем вы хотите учить своего сына музыке? Ведь у него нет слуха!» – говорили такому отцу. «А зачем ему слух? Он же не будет слушать, он будет сам играть», – был ответ.

«Мой папа не мечтал сделать меня великим музыкантом, – вспоминал Леонид Осипович. – А я в три года еще не знал, что есть такая профессия – скрипач. Просто однажды я заметил, что на нашей лестничной площадке живет человек, который все время играет на скрипке. Гершберг был, наверно, хорошим скрипачом. Но вопросы престижа меня тогда не занимали. Главное, что он играл. А я плашмя ложился у его дверей, прикладывал ухо к нижней щели и упивался. Видя меня часто в этом положении, все догадывались, что я люблю музыку. Несколько позже я и сам догадался, что у меня к ней просто болезненная любовь. Но я не только полюбил ее с трех лет – года через два я начал зарабатывать ею деньги... У наших соседей был фонограф с круглыми валиками. На одном из валиков была записана ария Ленского. Я услышал однажды эту арию и, черт меня знает как, запомнил ее со всем оркестровым сопровождением и музыкальными паузами. Скоро это стало моим “доходным делом”».

Одесса учила жизни в широком смысле этого слова. В детстве Утесова был весьма примечательный эпизод, который он описал в своих воспоминаниях. Однажды, когда ему было двенадцать лет, он стоял у изгороди открытого ресторана на бульваре и слушал музыку: «Глаза мои машинально уперлись в капитана торгового флота, сидевшего за столиком с женщиной, очень красивой, в нарядном платье и огромной шляпе. Капитан взглянул на меня и спросил:

– Ты что так смотришь, мальчик?

– Я думаю.

– О чем?

– Наступит ли когда-нибудь время, когда я сяду в ресторане за стол и потребую, чего захочу.

– Конечно. И даже быстрее, чем ты думаешь. Прямо сейчас. А ну-ка иди сюда.

Я смущенно замотал головой, но капитан подбадривал. Обогнув изгородь и стараясь не попадаться на глаза официантам, я пробрался между столиками к капитану.

– Садись. Как тебя зовут? А руки со стола сними. – Он подозвал официанта. – Ну, чего же ты хочешь?

Я нерешительно молчал и думал, как бы не ошибиться. Официант начал уже переминаясь с ноги на ногу – так долго я размышлял.

– Ну? – терпеливо спросил капитан.

Я решился и выпалил:

– Мороженого на двадцать копеек!

Спутница капитана рассмеялась. Капитан улыбнулся.

Даже официант что-то хмыкнул. Я не понял почему, но, может быть, их удивила эта лошадиная порция.

Принесли мороженое, и я съел все без остатка.

– Ну, а еще чего?

Я разошелся – кутить так кутить:

– Еще мороженого на двадцать копеек!

И в третий раз, как во всякой порядочной сказке, спросил меня капитан, чего я хочу. Я встал, поклонился и сказал:

– Спасибо. Больше я уже ничего не хочу.

Капитан был недоволен. Предел желаний человека обошелся ему всего в сорок копеек. Он меня почти презирал.

– Ну так слушай, – сказал он. – Дед нашего одесского Дюка был маршалом. Однажды он подарил внуку сорок золотых монет. А через десять дней захотел дать еще. Но внук показал ему нетронутые золотые. Старик рассвирепел, схватил деньги и выбросил их за окно нищему. „Вот вам деньги, – крикнул маршал, – которые мой внук не сумел потратить за десять дней”».

Где еще можно пройти такую школу жизни, кроме Одессы?

Какое-то время юный Утесов учился в одесском коммерческом училище Файга. В отличие от других реальных училищ и гимназий, там не было трехпроцентной нормы для евреев. Было лишь своеобразное правило: родители-евреи, определявшие своих детей в это учебное заведение, должны были привести туда же напарника православного исповедания. Схема поступления была проста: еврейская семья подыскивала для своего сына «пару» – русского мальчика, и оплачивала учебу обоих. А в год за одного надо было платить двести шестьдесят рублей – огромные по тем временам деньги!

Прием в училище был открыт круглый год, и в коридорах всегда толпились семьи абитуриентов. Файг заботился о престиже своего училища: здание было внушительным, гимнастический зал оборудован специальными снарядами, преподаватели подбирались с особой тщательностью.

Зная схему поступления в училище, Осип Клементьевич Вайсбейн обратился к соседу по Треугольному переулку – мяснику Кондрату Семеновичу – и предложил, чтобы его сын, мальчик годом старше, пошел учиться вместе с Леней. А он обещает взять на себя материальные расходы, связанные с учебой. Правду сказать, Кондрат Семенович не очень обрадовался этому предложению, но когда Вайсбейн сказал, что обеспечит его ребенка ежедневными завтраками и школьной формой, он согласился.

Директором училища Файга был известный в Одессе, почитаемый всеми одесситами профессор Новороссийского университета Федоров, большой поклонник музыки, автор оперы «Бахчисарайский фонтан», постановку которой он осуществил именно в училище. А вообще среди преподавателей заведения было немало представителей русской интеллигенции, и в их числе – Петр Васильевич Катаев, отец будущих писателей Валентина Катаева и Евгения Петрова. Все это придавало училищу Файга особую привлекательность.

Много лет спустя в своей книге «Хуторок в степи» Катаев писал, что господин Файг был одним из самых известных граждан города и, по мнению Валентина Петровича, был так же популярен, как градоначальник Толмачев, как сумасшедший Марьяшес, как городской голова Пеликан, прославившийся тем, что украл из городского театра люстру, как редактор-издатель Ратур-Рутер, которого часто избивали в общественных местах за клевету в печати, как Кочубей – владелец крупнейшего в городе заведения мороженого, в котором каждый год летом происходили массовые отравления, как бравый старик генерал Радецкий, герой Плевны.

Училище Файга было надежным пристанищем для состоятельных молодых людей, изгнанных за недостаточные способности и дурное поведение из остальных учебных заведений

не только Одессы, но и всей Российской империи. За большие деньги в этом училище всегда можно было получить аттестат зрелости.

Сам Файг был крупным меценатом, он жертвовал на лотереи-аллегри гарнитуры мебели и ковры, вносил крупные суммы на украшение храма и на покупку колокола, учредил приз своего имени на ежегодных гонках яхт, платил на благотворительных базарах по пятьдесят рублей за бокал шампанского. В Одессе о нем ходили легенды.

Что же касается Петра Васильевича Катаева, то не каждый решился бы пригласить на работу в учебное заведение в качестве педагога человека, имеющего репутацию опасного вольнодумца. Файг это сделал, сказав: «Вы будете знаменем нашего училища».

Из училища Файга вышло в люди много юношей из семей с не самым большим достатком. Так получил высшее образование старший брат Утесова Михаил: он учился у Файга, а потом сдал экстерном университетские государственные экзамены.

В училище Файга был свой симфонический оркестр, оркестр щипковых инструментов, хор в шестьдесят человек, драматический кружок. Юный Леня Вайсбейн играл в симфоническом оркестре на скрипке, в щипковом оркестре – на пикколо-балалайке, а в хоре был солистом. На ученических балах он выступал почти во всех номерах, поскольку был участником всех имеющихся в училище кружков!

На балы учащиеся училища Файга приходили в своей парадной форме, которая вызывала зависть даже у гвардейских офицеров: длинный, до колен, однобортный, подбитый белой шелковой подкладкой сюртук черного цвета с красной выпушкой и шитым золотом воротником, золотые обшлага и такие же пуговицы. Когда в Одессу приезжал царь, то фэйгистов ставили в первые ряды встречающих. На таких балах Леня Вайсбейн был весьма заметным человеком, поскольку он пел, играл и читал Гоголя.

За десять лет существования училища Файга из него никогда никого не исключали. И вдруг... «За всю историю училища исключили только одного ученика – меня», – писал Утесов. И не за то, что он, как никто другой, мог доводить учителей до белого каления, веселя товарищей, и не потому, что в книжке отметок наряду с четверками и пятерками по наукам у него неизменно стояла тройка по поведению, и даже не за бесчисленные проделки, о которых долго вспоминали. «Прощальным бенефисом» Лени Вайсбейна была месть преподавателю Закона Божьего. На одном из уроков, желая разогнать скуку от библейских легенд, навеянную монотонным изложением учителя, Леонид стал рассказывать одноклассникам смешные истории. Преподаватель подошел и больно дернул мальчишку за ухо. «Перемигнувшись с товарищами, поворотом рычажка я опустил шторы в нашем кабинете... А когда в классе снова стало светло – учитель и его костюм были раскрашены под гравюру – в белый и черный цвета – цвета мела и чернил», – честно признавался Утесов.

День этот стал последним в ученической карьере Лени Вайсбейна – он получил «волчий билет», то есть был исключен без права поступления в другие учебные заведения. В итоге его образование так и ограничилось шестью классами училища Файга.

Но мог ли Утесов тратить время на изучение математики, латыни, географии, когда с раннего детства в душу его вселилась неистребимая страсть к музыке? Музыка была его стихией. В певучей Одессе музыка звучала со всех сторон. В центре города на круглой террасе играл духовой оркестр, справа от открытого ресторана гостиницы «Лондонская» неслись звуки итальянского оркестра, слева – румынского. Если подниматься в сторону Дерибасовской улицы, то слева было кафе «Пале-Рояль», справа – Робина, чуть дальше – Фанкони – и везде звучала музыка! Каждый вечер можно было слушать неаполитанские, русские, украинские, еврейские, греческие, армянские песни, ведь Одесса была большим портовым городом, где жили и куда приезжали люди самых разных национальностей.

Кроме музыки, юноша занимался спортом – футболом, гимнастикой, а также необыкновенно популярной в те времена французской борьбой. В этом виде спорта Леонид сумел

достичь наибольших успехов, он даже участвовал в чемпионатах французской борьбы. Утесов так вспоминал об этом: «Увлечение борьбой было невероятное – такое же, как сейчас футболом. И в Петербурге, и в Москве, и в Одессе, и в Киеве, и на никому не известной станции Бирзула проходили чемпионаты борьбы, причем всегда объявлялось, что это – на звание чемпиона мира! Конечно, это было смешно, но среди многих чемпионов мира были действительно замечательные борцы – Поддубный, Заикин, Вахтуров, Шемякин, Лурих...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.